

УДК 343.01; 343.851.3

Я.В. Гармышев

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОГО НАСИЛИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

В статье с учетом доктрины уголовного права и судебной практики анализируются вопросы самого понятия «преступное насилие» и вопросы квалификации насильственных квалифицирующих признаков хищений в уголовном праве России, в частности самых распространённых преступных деяний: грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ). Определены критерии установления признаков как насилия опасного, так и не опасного для жизни человека, принимая во внимание объективную сторону преступлений, предмета, орудий, средств со-

вершения преступления и разъяснений Пленума Верховного суда России, предложены алгоритмы отграничения преступлений против собственности друг от друга.

Ключевые слова: хищение, насилие, принуждение, квалификация преступлений.

Y.V. Garmyshev

LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMINAL VIOLENCE IN CRIMES AGAINST PROPERTY

The author analyzes the very concept of “criminal violence” and the issues of qualifying the violent elements of theft in Russian criminal law, while taking into consideration the criminal law doctrine and court practice and, in particular, the most common criminal acts: burglary (Art. 161 of the Criminal Code of the Russian Federation) and plunder (Art. 162 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author also determines the criteria for defining elements of violence which endangers and violence which does not endanger human life while taking into account the objective side of crime, object, instrument, means of committing a crime as well as the clarifications of the Plenary Session of the Supreme Court Russia; the algorithms for differentiating between crimes against property are presented.

Keywords: theft, violence, compulsion, qualification of crimes.

В системе преступлений против собственности Особенной части УК РФ содержится целый ряд норм предусматривающих ответственность за преступления, связанные с применением насилия. При использовании законодателем понятия «насилие», действующий УК РФ не раскрывает содержания термина или его видов. Однако до сих пор к единому пониманию явления «насилие», его признаков и иных составляющих прийти не удалось как в теории уголовного законодательства, так и в правоприменительной практике [1, с. 65].

Будучи способом преступления, насилие может быть адресовано как жертве, характеризующей основной объект посягательства, так и другим лицам.

В уголовно-правовой доктрине понятие насилия традиционно отождествляется с насилием физическим, т.е. с посягательством на телесную неприкосновенность, тем не менее, в отдельных статьях УК РФ указывается еще о применении насилия, опасного или не опасного для жизни или здоровья человека.

В правоприменительной деятельности иногда угрожает потерпевшему, но угроза характеризуется неопределенно, например, для потерпевшего звучит фраза «будет плохо». В этих случаях суду необходимо дать оценку этой угрозе, решить, каким все же насилием, опасным или не опасным для жизни или здоровья, угрожал виновный. Необходимо отметить, что, когда оценка степени интенсивности насилия как опасного или не опасного для жизни или здоровья только по последствиям и способу действия невозможна, следует учитывать и другие обстоятельства содеянного, в частности, время, место, обстановку (условия) совер-

шения преступления. Однако, когда характеристика всех обстоятельств содеянного не дает возможности определить степень интенсивности насилия как опасного или не опасного для жизни или здоровья, то окончательное решение данного вопроса следует рассматривать в соответствии с содержанием ч. 3 ст. 49 Конституции РФ, согласно которой «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого», как не опасное для прав и свобод личности.

В научной литературе так же отмечается, что, при оценке по способу действия всегда является опасным для жизни или здоровья потерпевшего физическое насилие с применением оружия или предметов, объективно заменяющих оружие, либо ядовитых или отравляющих веществ, а также осуществленное общеподобающим способом, к примеру, путем столкновения с движущегося транспорта или под движущийся транспорт, с лестницы, выталкивания из окна или с балкона дома и т. д. [2, с. 40].

В судебной практике сложился подход в оценке насилия, согласно которому оценка насилия как опасного, так и не опасного, зависит от того, причинили ли вред здоровью или создавало реальную угрозу его причинения действия виновного. Однако встречается и иной подход, согласно которому главное в оценке насилия - реальное причинение вреда здоровью потерпевшего, когда, например, нанесение ударов потерпевшему с целью завладения его имуществом оцениваются как грабеж с насилием, не опасным для жизни или здоровья, поскольку не был причинен даже легкий вред здоровью.

Подводя итог анализу о степени насилия по показателю опасности или не опасности для жизни или здоровья, его оценка только по последствиям и способу действия не будет достаточна, суду необходимо учитывать и другие обстоятельства содеянного, в частности, время, место, обстановку совершения преступления в их взаимосвязи, а так же не стоит забывать про субъективный аспект. В этой связи совершенно правильно в абз. 7 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержится следующее разъяснение: должен решаться с учетом характера и степени опасности этих действий для жизни или здоровья, а также последствий, которые наступили или могли наступить.

Применительно к грабежу достаточно дискуссионным является вопрос о природе «рывка». Согласно наиболее распространенному подходу в тех случаях, когда виновным в процессе хищения имущества предпринимается усилие, сопровождающееся посягательством на здоровье потерпевшего, то грабеж становится насильственным, если же усилие при «рывке» повлекло вред личности, но он не охватывался умыслом виновного, то данные действия должны быть квалифицированы по ч. 1 ст. 161 УК РФ и по соответствующему преступлению против личности. Однако согласно иному подходу необходимо учитывать, в первую очередь, субъективный критерий. Полагаю, что действительно абсолютизировать объективный характер хищений не стоит, нужно установить направленность умысла виновного, как реализация принципа виновности в уголовном законе, следует при квалификации учитывать взаимодействие субъективных и объективных фактов, кроме этого следует помнить, что показания виновного могут

быть средством его защиты. Таким образом, с учетом системного толкования полагаю, что если насилие при грабеже применяется для того, чтобы разорвать связь имущества с потерпевшим, то данный факт не следует рассматривать как насилие в том аспекте, которое установлено в ч. 2 ст. 161 УК РФ, однако, с учетом конкретных обстоятельств дела нужно учитывать все критерии термина «рывок» Крупский [5, с. 7]. Самое главное это то, что насилие при грабеже применяется для подавления сопротивления или создания условий для сохранения во владении виновного.

Интерес так же с практической стороны представляет вопрос о применении сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ, когда в процессе совершения хищений, например в обстановке совместной выпивки потерпевшему подсыпают в спиртное клофелин, те погружаются в сон, после которого ничего не помнят; виновные забирают все деньги и ценности и исчезают Кузнецов [8, с. 19]. Пленум Верховного Суда РФ в вышеупомянутом постановлении 2002 г. указал, что в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием¹. Тем не менее, в теории уголовного права отмечается, что если попадание вещества в организм обусловлено собственными действиями потерпевшего, в частности, если он взял стакан со спиртным, в котором растворено сильнодействующее вещество, и выпил содержимое, даже если это вещество опасно для здоровья – все равно это можно признать только кражей из-за отсутствия факта нападения. В качестве примера подтверждающий данный подход можно привести дело, когда в Московской области Алексей Виговский вычислял жертв на перроне, садился с ними в вагон в вечернее или ночное время, когда народу было мало, и предлагал выпить из его фляжки (или незаметно подбрасывал психоактивное вещество в банки с пивом потерпевших). Затем он изымал у жертв вещи и банковские карточки, получал деньги по похищенным карточкам в банкоматах, а жертвы, если оставались живы, часто теряли память. Содеянное было расценено как кража Кузнецов [8, с. 19]. Полагаю, что данный подход дезориентирует судебную практику, так как он не до конца учитывает субъективную составляющую преступления сопутствующего последствия, налицо косвенный умысел в отношении опасных веществ, что следует учитывать при квалификации, суд учел только отношение к изъятию имущества – главным последствием конструкции состава, а нужно отдельно учитывать отношение и к деянию и к последствию.

¹ О судебной практике по делам краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05 июня 2002 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – С.3.

В правоприменительной практике нередко возникают дискуссии о квалификации преступлений, которые являются по конструкции формальными, но в конкретном деянии причиняются последствия в виде смерти или вреда здоровью, возможна ли здесь совокупность. Полагаю, что квалификация возможно по совокупности только в том случае, если составом, совершенным с применением насилия анализируемые последствия не указаны в качестве квалифицирующих признаков, и наступление выше указанных должно учитываться при квалификации, но в составе разбоя есть последствие в виде тяжкого вреда здоровью, то нет. Тем не менее, интересен вопрос с практической стороны, когда лицо напрямую не высказывается на причинение смерти, хотя используемые орудия преступления опасны для жизни, например, огнестрельное оружие и в результате действий виновного наступает только тяжкий вред здоровью, смерть потерпевшего не наступила. Показателен пример из судебной практики, когда приговором Куйбышевского районного суда г. Иркутска С. был признан виновным по ч.3 ст. 162 УК России: двое знакомых, отправились на рыбалку, у потерпевшего Б. была при себе крупная сумма денежных средств. Подсудимый С. зная о данном факте, произвел несколько выстрелов в потерпевшего в разное время: от первого выстрела потерпевший упал на землю, но он потом неожиданно для С. встал, так как пуля попала в шею, и еще раз выстрелил и опять не причинил смертельного ранения. После неудачных выстрелов С. поняв, что не лишил жизни потерпевшего Б. и не найдя денежных средств решил отвезти его обратно домой и по пути был задержан². Полагаю, что с учетом рекомендаций Пленума Верховного суда России по делам об убийстве виновные действия С. следовало бы квалифицировать по п. ч. 2 ст. 105 УК РФ, но как покушение на убийство из корыстных целей, лицо действовало с косвенным умыслом на применение смерти, а последующее поведение виновного только свидетельствовало о попытке заглавить – минимизировать «возможный» дальнейший преступный вред, если бы не своевременно оказанная медицинская помощь потерпевшему Б, то смерть могла бы наступить.

В отношении второй разновидности вида насилия: «психическое насилие» оно характеризуется действиями, направленными на подавление воли потерпевшего. Так, Р.Д. Шарапов психическое насилие рассматривает как преступное посягательство на психическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения психического вреда потерпевшему вопреки его воле [8, с. 1].

В уголовно-правовой доктрине психическое насилие равноценно понятию «угроза применения насилия» применительно к п.г. ч. 2 ст. 161 и ст. 162 УК РФ, однако это применимо только с долей условности к рассматриваемым составам преступлений, учитывая, специфику объективной стороны при изъятии вещи у собственника.

При квалификации насильственных хищений необходимо рассмотреть вопрос об истязании родных и близких потерпевшего на его глазах в целях воздействия на его психику и завладения его имуществом, по признакам деяния данное насилие будет психическим. Полагаю, что квалификация содеянного как разбоя

² Уголовное дело № 156 – 2014 // Архив Куйбышевского районного суда г. Иркутска.

или грабежа зависит от оценки последствий для психики потерпевшего, наступили они реально и наступили ли они вообще.

При решении вопроса о разграничении грабежа и разбоя друг от друга по признакам насилия интерес так же представляют суждения о местонахождении анализируемых составов при характеристике насилия в грабеже и разбое. В частности П.В. Волошин считает, что их следует объединить в один состав, с дополнительной квалификацией по соответствующим вредоносным последствиям для жизни или здоровья [8, с. 27]. Полагаю, что данное рассуждение не бесспорно, так как нарушает систему при построении объекта преступления и отдельный учет преступные последствия.

В литературе отмечается, что угроза может быть передана лично или через посредников (третьих лиц), по телефону или иным образом. Угроза может следовать из обстановки [8, с. 13].

Угроза должна быть реальной, виновный угрожает немедленным применением насилия в случае, если требования о передаче имущества не будут исполнены. Степень интенсивности угрозы применения насилия зависит от степени интенсивности физического насилия, применением которого виновный запугивает потерпевшего.

Достаточно интересен вопрос о гипнозе как разновидности психического насилия. В литературе предложено данный факт квалифицировать по ст. 158 УК РФ, поскольку в результате гипнотического воздействия потерпевший не признавал противоправности изъятия у него имущества, хотя и видел эти действия виновного, а значит, налицо субъективный критерий тайности изъятия имущества, имеющий приоритет перед объективным критерием, однако, суд, на примере обвинительного дела Г. Грабовского не воспринял данный подход и такие действия квалифицированы как мошенничество³. Проблема в том, что в анализируемом преступлении законодатель предписывает суду, что если есть некоторая характеристика «обмана» при гипнозе, то решающим способом является именно обман, а не сама природа и последствия влияния гипноза на психику человека.

В юридической литературе так же употребляется термин «принуждение», где отдельными исследователями под ним понимается понятие, включающее в себя не только физическое насилие, но и психическое, сущность которых заключается в ограничении волеизъявления другого лица, что предопределено краткостью текста уголовного закона [8, с. 19].

Уголовно-правовая характеристика структуры анализируемого термина применительно к насильственным имущественным преступлениям характеризуется в виде следующих элементов: целенаправленное воздействие на волю потерпевшего, выраженный насильственный характер преступного воздействия, где требования не основаны на законных правах и интересах виновного, активная деятельность лица по выполнению предъявленного требования. Следует учитывать, что объект посягательства принуждения, как составная часть психического насилия является сложным понятием и может включать в себя различные

³ Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 07 июля 2008 г. // URL: <http://www.sudrf.ru> (дата обращения 20.09.2018)

психические процессы и так же физиологию, таким образом, виды насилия не следует в зависимости от объекта посягательства и объект у них может быть общим – личность в широком случае слова.

Таким образом, при характеристике понятия «насилие» в уголовном законодательстве при квалификации имущественных преступлений следует учитывать, что законодателем используются различные его конструкции, которые могут характеризовать один и тот же его вид, но с разных сторон, то целесообразно учитывать обстановку совершения преступления, последствия деяния для потерпевшего и субъективные аспекты преступления. Рассмотренная проблема и предложенные подходы к её решению могут быть полезны сотрудникам правоохранительным органам, которые занимаются расследованием преступлений, связанных с хищениями чужого имущества.

Список использованной литературы

1. Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 4. – С. 59-65
2. Гаухман Л.Д. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 39-42.
3. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Нефизическое насилие в уголовном праве: понятие и признаки // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 3. – С. 89-104.
4. Кузнецов В.С. Уголовно-правовое противодействие корыстной преступности. В.2 ч. Ч.1: учеб. пособие. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2015. – 233 с.
5. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения). Дис.... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 418 с.
6. Волошин П.В. Насильственные хищения чужого имущества (Сравнительный анализ по законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – 163 с.
7. Безвертухов А. Понятие и виды насилия в уголовном праве России: вопросы правотворчества и правоприменения // Уголовное право. – 2014. – № 4. – С. 11-18.
8. Гертель Е. В. Разграничение понятий «насилие» и «принуждение» // Уголовное право. – 2010. – №5. – С.17-19

Информация об авторе

Гармышев Ярослав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института Государства и Права, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: garmyv@mail.ru.

Information about the author

Garmyshev, Yaroslav V. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Institute of State and Law, Baikal State Univer-

sity; Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, the Russian Federation; e-mail:
garmyv@mail.ru.